

УДК 801: 1

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Серебряков А.А.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1), e-mail: aasereb@gmail.ru

В статье рассматриваются когнитивные аспекты речепорождения в переходную эпоху смены культурных кодов – от романтизма к Просвещению. Выявлено, что на основе эпистемологической посылки В. Гумбольдта формируется характерная для немецкого романтического дискурса тенденция к осознанию и выявлению специфики естественного языка как кодирующей системы, функции адресата, органической связи языка и национальной культуры, духовных традиций. Анализ содержания статьи Г. фон Клейста «Ueber die allmaehliche Verfertigung der Gedanken beim Reden» позволил установить факт признания романтиками сложности и значимости когнитивных аспектов вербализации интенций коммуникантов, определить ориентированность романтиков на исследование структуры знаний индивида, на их особое внимание к механизмам речепорождения и понимания текстов, на роль текущей мыслительной деятельности.

Ключевые слова и фразы: язык, речь, мышление, речевая стратегия, речепорождение, текст, дискурс, понимание, романтизм, Просвещение.

COGNITIVE ASPECTS OF SPEECH PRODUCTION IN GERMAN ROMANTIC DISCOURSE

Serebryakov A.A.

North-Caucasus federal university, Stavropol, Russia [355009, Stavropol, Pushkina St. 1], e-mail: aasereb@gmail.ru

The article deals with cognitive aspects of speech production in the transitive era of cultural code change: from Romanticism to the Enlightenment. Based on the epistemological idea by Humboldt the tendency to the recognition and identification of the natural language and national culture specifics was found to form as the coding system, recipient's function, the organic coherence between the language and national culture and spiritual traditions. The analysis of H. von Kleist's article «On the gradual production of thoughts whilst speaking» led to establishing the fact that romanticists acknowledged the complexity and significance of the cognitive aspects of communicants' intentions verbalization. It also led to defining the fact that romanticists focused their attention on the study of individual's knowledge structure, the mechanisms of speech production and text understanding, the role of the current rational activity.

Keywords: language, speech, mind, speech strategy, speech production, text, discourse, understanding, Romanticism, the Enlightenment.

В опубликованном посмертно в 1765 году труде «Новые опыты о человеческом разумении» Лейбниц рассматривал теорию языка как составную часть логики, а причины коммуникативных неудач, непонимания видел в неточном употреблении слов. Его подход заканчивался предложением создания универсального языка, который позволил бы посредством операций со знаками приобретать новые знания. С другой стороны, в эпоху Просвещения мышление рассматривалось как полностью зависящее от языка. Убеждение о соединенности мысли с языком, как медиумом, принципиально определяющим мыслительную деятельность человека, рассматривалось и ранее в философских построениях стоиков, средневековых мистиков, итальянских гуманистов.

В конце XVIII века, в период доминирования идеалистической философии, изменился вектор научных подходов к проблеме соотношения языка и мышления. Идеализм

воспринимал субъект как меру всех вещей, а поэзию как выражение творческой силы субъекта. В чувстве индивид достигает единения с абсолютной идеей. Этому соответствует идеалистическое представление о «гении языка», которое особенно характерно для немецкой романтической мысли. Такая точка зрения подкреплялась научным авторитетом В. фон Гумбольдта, который акцентировал связь мышления и естественного языка: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [2, с. 118]. Мы определяем романтизм как «качественно иной культурный код, опиравшийся на новые коммуникативные принципы, жанры и формы философско-эстетических и художественных текстов» [6, с. 168].

Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе различных аспектов факта языковой рефлексии в известном эссе Г. фон Клейста (1777–1811) «О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь» в сопоставлении с концептуальными лингвофилософскими положениями В. фон Гумбольдта.

Ядро проблематики составляет следующее высказанное Гумбольдтом в работе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820) положение: «Из взаимообусловленной зависимости мысли и слова явствует, что языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений» [2, с. 319].

Примечательным в приведенной цитате является акцентирование не столько «взаимообусловленной зависимости мысли и слова», сколько придание уже известному содержанию нового аспекта относительно продуктивной взаимосвязи мышления и речи через посредство языка: «языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной». Именно данный ракурс исследовательского интереса Гумбольдта, экстраполированный на содержание статьи Клейста, позволяет выявить ее когнитивное наполнение. На наш взгляд, интерпретация высказывания Гумбольдта обнаруживает четыре содержательных уровня.

1. Под «взаимообусловленной зависимостью мысли и слова» понимается, прежде всего, то, что мысль находит свое выражение в звучащем слове и в этом противопоставлении обретает самое себя. И напротив, слово обретает некий смысл только благодаря мысли и для мысли. Слово становится словом, значимым и индивидуализированным, только вследствие мыслительной деятельности.

2. Из высказывания Гумбольдта следует, что язык не является нейтральным средством для выражения уже готовых мыслей или уже познанной истины, а слово «не несет в себе

чего-то уже готового, подобного субстанции, и не служит оболочкой для законченного понятия», «язык есть орган, образующий мысль» [2, с. 165, 75].

3. Оба представленных подхода позволяют заключить: слово и мысль обретают бытие в нераздельном отношении взаимного отталкивания. Слова побуждают мысль, мысль, в свою очередь, стремится к воплощению через слово: «Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя. Идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в определенные границы» [2, с. 318]. Мысль реализуется в слове и через слово, «интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» [2, с. 75], а «зависящий от языка человек оказывает на него обратное действие» [2, с. 319]. Таким образом, мысль в соотнесенном с нею слове «открывает» себя самое как до соединения со словом еще «ранее неизвестной истины». В этом смысле исходное положение Гумбольдта специфично для языка: «... объективная истина проистекает от полноты сил субъективно индивидуального» [2, с. 320].

4. В свете приведенных наблюдений представляется возможным конкретизировать значение выражения «взаимообусловленной зависимости мысли и слова» («die gegenseitige Abhängigkeit des Gedankens und des Wortes voneinander»). Языковая обусловленность не является непреодолимой границей или клеткой для мысли; наоборот, она является именно условием кристаллизации ее прозрачности. Отметим, что похожий подход к сущности и структуре мышления выражен Гумбольдтом в его ранней работе 1795 года «О мышлении и речи» [2, с. 301]. По Гумбольдту, мышление свершается через язык, но, оставаясь в языке, одновременно выходит за его пределы. Именно в языке и посредством языка, через слово, мышление осуществляется как действительное и способное к воплощению истины.

По Гумбольдту, «акту рассудка, в котором создается единство понятия, соответствует единство слова как чувственного знака, и оба единства должны быть в мышлении и через посредство речи как можно более приближены друг другу» [2, с. 317]. Как духовная сила реализуется в артикуляции материальных звуков, т.е. слов, так и само это чувственное воплощение, в свою очередь, воспроизводится в дифференцировании и членении духовного «материала мысли», т.е. в мысли.

Остроумное сочинение Клейста «О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь» (1806) содержит принципиальные положения, корреспондирующие с лингвофилософскими воззрениями Гумбольдта. В отечественной германистике данное эссе Клейста не исследовалось, хотя анализируемые в нем креативные возможности языка и речи во многом объясняют специфику развития немецкого романтического дискурса, в том числе и собственных художественных текстов Клейста.

По Клейсту, в проблемных ситуациях, когда мы сами точно не знаем, что собственно хотим выразить, нам следует «поговорить об этом с первым попавшимся знакомым» [4, с. 503]. Сам язык в процессе речепорождения помогает говорящему понять и выразить собственные мысли. Если Гумбольдт полагал, что язык как интересубъектный феномен имманентно продуктивен сам по себе, то Клейст в большей степени акцентирует роль коммуникативной ситуации, т.е. содержательной основы, которая может быть «либо заранее осмысленной, последовательно целевой, либо, наоборот, всецело случайной, непредвиденной, неожиданной» [1, с. 436]. Клейст, как будет показано, отдает безусловное предпочтение «всецело случайной, непредвиденной, неожиданной» основе, демонстрируя, как в действительности происходит обратное воздействие языка на мышление. Приводимые Клейстом примеры направлены на акцентирование роли коммуниканта (реального или потенциального), который может выступить катализатором акта речепорождения.

В тексте эссе обнаруживаются шесть примеров разнотипных коммуникативных ситуаций, которые классифицированы нами по основанию успешности / неуспешности речевой коммуникации: 1. Клейст и его сестра; 2. Мольер и служанка; 3. «Перун» Мирабо; 4. Басня Лафонтена; 5. Беседы в обществе; 6. Коммуникация в ситуации экзамена. Все шесть примеров можно распределить по трем группам: а) два первых примера демонстрируют «успешное составление мысли» в квазидialoge; б) в третьем и четвертом примерах демонстрируется агональная коммуникативная ситуация, реализующаяся в полноценном диалогe; в) в пятом и шестом случае представлены примеры неуспешного «составления мысли» в процессе речи, «поскольку ум уже до начала речи справился с мыслью» [4, с. 506]. Два первых примера наиболее наглядно демонстрируют успешное возникновение и развитие мысли. Клейст показывает, что релевантные оппозиции язык vs звук, дух vs форма, мысль (идеальное) vs слово (материальное) не являются субстанциальными и иерархическими оппозициями; сознание неразрывно связано с медиумом, языком, и оно не может рассматриваться в качестве предшествующей языку и порождающей его инстанцией. Постигание смысла, по Клейсту, происходит не вследствие озарения, а в результате речевой деятельности: «И вот, стоит мне поговорить об этом с сестрой, что сидит позади меня и работает, я узнаю то, до чего не додумался бы и за много, быть может, часов» [4, с. 504]. Уже в первом предложении употребляется слово *Meditation*, при этом следует отметить, что подобное говорил Платон в диалогe «Теэтет», уточняя содержание понятия мыслить: «... мысль, она [душа] делает не что иное, как рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая. ... Так что, по мне, иметь мнение – значит рассуждать, а мнение – это словесное выражение, но без участия голоса и обращенное не к кому-то другому, а к самому себе, молча» [5, с. 909]. Не какая-либо внеязыковая медитация или некое внутреннее

озарение, а именно материальность реально артикулированных слов разъясняет смысловую сущность самой мысли и обеспечивает процессуальность мышления.

Клейст, по аналогии с раблезианским подходом «аппетит приходит во время еды», обращается к подобной формуле «идея приходит во время разговора» («l'idée vient en parlant»), акцентируя тем самым два смысловых аспекта. 1. То, что выражается посредством языка (l'idée), возникает только в процессе говорения. 2. Возникшее в процессе речи высказывание приобретает содержательные различия с мыслью, которую оно артикулирует, иначе мышление стало бы некоей разновидностью языка. По утверждению С.Д. Кацнельсона, «высказывание воспроизводит событие лишь весьма приблизительно» [1, с. 406].

Таким образом, когда мысль из языка и через язык встречается сама с собою, она реализуется именно в языке как в некоем другом, в инобытии, а язык есть для мысли своего рода окольный путь к самой себе, обеспечивающий структурирование и фиксацию мысли.

Решающим в когнитивном аспекте является следующее высказывание Клейста, уже посредством своей речевой формы выражающее интенционально-обусловленное содержание: «Но поелику у меня есть некое смутное представление, отдаленно как-то связанное с тем, чего я ищу, то стоит лишь мне смело начать, как мой ум, вынужденный найти началу конец, преобразует, покуда я говорю, это туманное представление в полную ясность, так что к концу периода я, к своему изумлению, знаю то, что хотел узнать» [4, с. 504]. Отметим, что в языке оригинала употребляется лексема Erkenntnis, означающая познание, знание именно в философском смысле, поэтому русскоязычный перевод «знаю то, что хотел узнать» нельзя считать удачным, поскольку он ориентирован не на философское, а на обыденное сознание. Х. Хольц, аргументированно интерпретируя приведенное высказывание Клейста, показал, что это предложение само по себе являет пример того, что (и как) оно выражает: «Клейст дал доказательство своего тезиса уже в самом процессе его формулирования» [8, с. 28], а «развертывание предложения уже есть развертывание самой становящейся мысли» – «der Gang des Satzes ... der Gang des werdenden Gedankens selbst»; отсюда, по Х. Хольцу, следует, что «одномоментно с предложением формируется и мысль» [8, с. 28]. Язык в процессе темпорального развертывания речи формирует и репрезентирует мысль, которая, к удивлению самого говорящего, приобретает смысловую завершенность с окончанием предложения-высказывания. Эта завершенность мысли совершенно не исключает продолжения речи и, следовательно, мысли. «Никто не понимает слово в точности так, как другой ... Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение» [2, с. 84].

В таком восприятии, выражающем диалектику отношений мышления и речи, и заключается начало философии языка. На наш взгляд, приведенный отрывок из эссе Клейста требует дополнительного комментария. Упомянувшееся в начале высказывания «туманное представление» («*dunkle Vorstellung*») оказывается далее, если удастся воплотить его в слове, своего рода «зародышем мысли», которому для успешного развития требуется язык. Мысль в состоянии зарождения осознает себя, когда воплощается в языке, ввергает себя заключенной в языке продуктивности. Итак, по Клейсту, «стоит лишь мне смело начать, как мой ум, вынужденный найти началу конец, преобразует, покуда я говорю, это туманное представление в полную ясность» [4, с. 504]. Следует обратить внимание на перевод немецкого слова *das Gemuet* как ум, хотя оно многозначно и включает несколько значений (характер, нрав, душа) эмоционально-ментального уровня, но не рационального. В эссе внутренняя сущность (*das Gemuet*) говорящего осознает для себя необходимость «найти началу конец» и посредством языкового выражения завершает высказывание. Такой резкий переход от языковой формы к (само)схватыванию мысли из языка или, иначе, от продуцирования слов и обратного языкового действия на мысль, был сформулирован Гумбольдтом: «Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (*herauspinnt*) язык изнутри себя, он вплетает (*einspinnt*) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [2, с. 80]. Из этого вытекает, что клейстовское положение «*dem Anfang nun auch ein Ende zu finden*» следует воспринимать как специфически языковую необходимость. Ведь только в полностью завершённом предложении все слова, последовательно конституирующие целостность высказывания, приобретают конвенциональную семантическую определенность. Поэтому, с языковой точки зрения, и не является удивительным, что «к концу периода я, к своему изумлению, знаю то, что хотел узнать» [4, с. 504]. Поскольку только артикулированное высказывание генерирует знание, то и составление мысли происходит, по Клейсту, «покуда я говорю» («*waehrend die Rede fortschreitet*»). Гумбольдт в этой связи констатировал: «Язык есть орган, образующий мысль» [2, с. 75]. Эта мысль представляется настолько значимой, что во всех русскоязычных изданиях Гумбольдта она приводится с немецким оригиналом: «*Die Sprache ist das bildende Organ des Gedankens*» [9, с. 426]. И когда Клейст говорит о «выделке ... идеи в мастерской разума» [4, с. 504] (*Fabrikation meiner Idee auf der Werkstaette der Vernunft*) [10, с. 320], а Гумбольдт о «работе духа» [2, с. 182] (*Arbeit des Geistes*) [9, с. 419], то в обоих случаях подразумевается произносимый, артикулированный язык, речевое высказывание. Помимо этого, процитированное в концовке сочинения Клейста кантовское высказывание «*Hebammenkunst der Gedanken*» [10, с. 324] (родовспоможение мысли) [4, с. 507] получает свое обоснование в

языковой природе мышления, иными словами, в способности языка генерировать мысли: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия» [2, с. 80].

Как «любопытный пример того, как мысль постепенно составляется из невольного начала» [4, с. 506], Клейст интерпретирует драматические коммуникативные ситуации (выступление Мирабо 23 июня 1789 и басню Ж. Лафонтена, примеры 3 и 4). В обеих ситуациях можно сказать: «Ein solches Reden ist wahrhaft lautes Denken» [10, с. 322] – («Говорить так – это поистине думать вслух») [4, с. 506]. Во второй части эссе, после констатации «совсем иное дело, если ум уже до начала речи справился с мыслью» [4, с. 506], Клейст рассматривает иную ситуацию речепорождения.

Выдвинутый им тезис более не сводится к возможности «составлять мысль, когда говоришь», скорее, наоборот, к невозможности говорить о мыслях, которые уже «составлены». Реализованы в речи могут быть, по Клейсту, только мысли, которые возникают собственно в процессе речевого акта. Это обязательное требование спонтанности особенно отчетливо иллюстрируется автором в пятом примере, показывающем щекотливую ситуацию, в которой может оказаться говорящий, «если ум уже до начала речи справился с мыслью» [4, с. 507]. Распространенное мнение «подумай, прежде чем говорить» представляется для Клейста неприемлемым, поскольку ведет не к «составлению», а к утрате ясности мысли. Отметим, что в конце XVIII века авторитетный специалист по риторике М. Кёль, наоборот, утверждал: «Wer klar und deutlich denket, wird auch so sprechen und schreiben» [11, с. 1] – «Кто ясно и понятно мыслит, тот так же и пишет, и говорит». В то же время акт понимания не мыслим в отрыве от речепорождения. Это основополагающий вывод Клейста из рассуждений о «постепенном составлении мысли, когда говоришь». У Клейста, в отличие от Шлейермахера, понимание, или то, что называют пониманием, органично связано с ситуацией, в которой возникает и реализуется понимание. Более того, по Клейсту, эта ситуация обязательна, а понимание предстает как ее продукт: «Ибо знаем не мы, знает прежде всего некое наше состояние» [4, с. 507]. И это «знающее состояние», как показывает автор в последнем иллюстративном примере публичного экзамена, есть производное от совокупности обстоятельств однократное событие.

Именно это подразумевал и Гумбольдт, когда говорил о языковой обусловленности мышления как средства открытия ранее неизвестной истины. Показательно, что Э. Кассирер заканчивает свое во многом ориентированное на Гумбольдта сочинение «Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt» (1932/1933) схожим – с Клейстом – замечанием: «Die Dynamik des Denkens und die Dynamik des Sprechens gehen miteinander Hand in Hand; zwischen beiden

Prozessen findet ein staendiger Kraefteaustausch statt» [7, с. 150] – («Динамика мышления и динамика речи идут рядом, рука об руку; между обоими этими процессами происходит постоянный обмен силами»). Иными словами, разумный логос есть одновременно слово и мысль или, по Клейсту, единство совместного движения и внутренней согласованности.

Список литературы

1. Блох М.Я. Речевое общение и философия его регуляции // Язык. Культура. Общение: сб. науч. тр. – М.: Гнозис, 2008. – С. 435 – 443.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
3. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
4. Клейст Генрих. Избранное. Драмы. Новеллы. Статьи. – М.: Худ. лит., 1977. – 542 с.
5. Платон. Диалоги. Книга первая / Платон. – М.: Эксмо, 2008. – 1232 с.
6. Серебряков А.А. Когнитивные основания текстовой формы фрагмент в немецком философско-эстетическом дискурсе XVIII–XIX вв. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып 88. – № 6 (335). – С. 167-176.
7. Cassirer E. Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt / Symbol, Technik, Sprache. Aufsätze aus dem Jahre 1927 – 1932. – Hamburg, 1985.
8. Holz H. H. Macht und Ohnmacht der Sprache. Untersuchungen zum Sprachverstaendnis und Stil Heinrich von Kleists. – Frankfurt a. M., Bonn, 1962.
9. Humboldt W. von. Werke in fuef Baenden. Hrsg. v. Andreas Flitner u. Klaus Giel. Bd. III. Schriften zur Sprachphilosophie. 5. Aufl. – Darmstadt, 1979.
10. Kleist Heinrich von. Saemtliche Werke und Briefe. Hrsg. von H. Sembdner. Zwei Bde. Bd. 2. Sechste, erg. und rev. Aufl. – Muenchen, 1977.
11. Koel Michael Adam. Teutsche Sprachlehre fuer die Mittelschulen an der Universitaet zu Wuerzburg. – Wuerzburg, 1791.

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Ломтева Т.Н., д.п.н., профессор, заведующая кафедрой романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.